

Н. М. Карамзин и Симбирск

Фамилия Карамзиных

Братья Карамзины предполагали, что их фамилия имеет довольно прозрачную тюркскую основу: "кара"-чёрный, "мирза"- титул человека знатного происхождения. Впрочем, известно и то, что фамилия Карамзиных проникла через армян, среди которых распространены фамилии Карахан, Карамурза. Современный исследователь Н.А.Баскаков в книге "Русские фамилии татарского происхождения" полагает, что герб Карамзина "свидетельствует о связях фамилии с Востоком, что подчёркивается изображением на голубом поле серебряной луны, обращенной рогами вверх, и под нею крестообразно положенных двух мечей-атрибутов, характерных для выходцев с Востока". Однако и эта, весьма схожая трактовка основана на предположении, связанном с преданиями. Поэтому придуманный задним числом чиновником-художником герб нельзя рассматривать, как безоговорочное свидетельство тюркского происхождения рода. Гипотетически нельзя исключить и иную версию: славянину татары дали кличку "Карамурза", и она по каким-то причинам укоренилась.

Достоверная же история рода Карамзиных, как это указывал ещё П.П.Пекарский, начинается с 22 ноября 1606 года, когда в число нижегородцев, награжденных самозванным "великим князем Дмитрием Ивановичем" за осадную и полковую службу, был включен "Дмитрий Семёнов сын Карамзин". Но этот же нижегородский дворянин и сын боярский Дмитрий Семёнович "был ревностным слугою у Шуйского и не раз получал денежные и поместные оклады (1606,1608,1612): за службу "подмосковную", "за взятие арзамское", "за касимовскую службу", "за суздальскую" и за другие". Не раз получал Дмитрий Карамзин "за государеву службу" пожалования и в царствование Романовых. Сын его Василий упоминается в документах 1629 года в связи с его хлопотами о нижегородском имении, а внук Пётр много послужил Отечеству и значится в числе награждённых за чигиринскую и киевскую службы, достижение "вечного мира с польским королём" и "за службу крымскому походу".

В начале 1797 года, когда вышел указ Павла 1 о составлении в России "Общего дворянских родов Гербовника", обязывавшего дворян представить в Департамент герольдии свои родословные и описания гербов, Николай Михайлович, проживавший тогда в Москве и имевший знакомства в чиновном мире, впервые по-настоящему задумался о своём происхождении и за помощью в розысках вынужден был обратиться в государственные архивы.

Наведение справок оказалось делом нелегким, и только в конце года он выслал в Симбирск старшему брату Василию Михайловичу первые выписки о роде Карамзиных. И понадобится ещё год, пока 28 сентября 1799 года Николай Михайлович смог уведомить старшего брата, что нашёл всех предков, кроме родоначальника Семиона. В письме от 29 ноября он просит Василия Михайловича припомнить и нарисовать родовой герб Карамзиных: "Без герба свидетельство из герольдии едва ли пойдёт в дело". В гербе Карамзина на голубом поле изображён полумесяц над двумя скрещёнными золотыми мечами; это означает, что родоначальник Карамзиных Семион, происходящий из именитых татар, оставя магометанство, принял христианскую веру и что дети его, Дмитрий и Томило, при царе Василии Ивановиче Шуйском и при государе Михаиле Фёдоровиче упоминаются в числе дворян, военною службою отличавшихся, за что и верстаны были тогда поместными и денежными окладами. 20 декабря 1800 года после четырёхлетних мытарств, Николай Михайлович с удовлетворением известил старшего брата, что их род "включён в дворянскую книгу, и герб Государем подписан...".

Место рождения

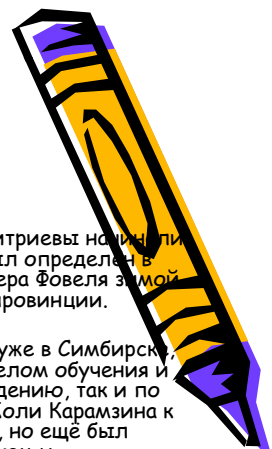
Казалось бы, сам Карамзин ответил на вопрос, о котором до сих пор спорят его почитатели. Напомним начало его автобиографической справки, составленной в 1805 году: "Надворный советник Николай Михайлов Карамзин родился 1 декабря 1766 года в Сибирской губернии..." Карамзин, правда, не указал, где именно в Симбирской губернии он родился. И вот эта безобидная недосказанность со временем привела к спору о том, какую из двух губерний - Симбирскую или Оренбургскую - надо считать родиной Николая Михайловича Карамзина.

1845 год. Симбирск. 23 августа. В этот день при большом стечении народа, в присутствии сыновей историографа Андрея и Александра Николаевичей был открыт памятник уроженцу Сибирской губернии - Николаю Михайловичу Карамзину. В этот же день известный историк Михаил Петрович Погодин, будущий автор вышедшей в 1866 году двухтомной биографии Н.М. Карамзина, здесь же, в Симбирске, произнес по случаю открытия памятника "Похвальное слово Карамзину". В конце выступления, по словам Погодина, присутствовавшие симбирские помещики начали говорить, что Карамзин родился: "в селе Богородском (это родовое имение Дмитриевых в Сызранском уезде Сибирской губернии)", "в Михайловке" (оренбургское имение Карамзиных), "в Карамзинке" (село Знаменское Симбирского уезда - родовая вотчина Карамзиных).

Противоречивые известия Симбирского дворянства смутили Погодина. В статье "Николай Михайлович Карамзин" - это была первая и не совсем удачная попытка Погодина написать цельную биографию Карамзина - он предложил читателям некий компромиссный вариант: "Николай Михайлович Карамзин родился 1766 года, декабря 1-го, в селе Михайловка, Сибирской губернии (!). И уже когда был набран этот номер журнала, Погодин получил письмо от Наталии Ивановны Дмитриевой, сестры Н.И. Дмитриева, ближайшего друга Н.М. Карамзина, в котором сообщалось, что историограф родился в... Михайловке.

В следующем четвертом номере "Москвитянка" Погодин публикует подборку материалов под заглавием "Несколько дополнительных замечаний к первой статье о Карамзине". В эту подборку было включено письмо Надежды Никитичны Ознобишиной, урожденной Философовой, племянницы Н.М. Карамзина. Она писала Погодину, что Карамзин родился в сельце Карамзинке, в 30 верстах от Симбирска. Там же публиковалось и письмо Н.М. Языкова, сообщавшего, что "по сказанию его брата, еще здравствующего Александра Михайловича", Карамзин родился в Оренбургской губернии, в Бузулукском уезде. И еще одно письмо - Наталии Ивановны Дмитриевой, проживающей в Симбирске. Она приводила ряд фактов, говоривших в пользу оренбургского происхождения Карамзина... Подборку писем Погодин завершил такой фразой: "Представляем Симбирску отстаивать свои права, если может". Это "если может" могло смутить или покоробить кого угодно. Но сибирское дворянство не стало доказывать столь очевидное для всего сибирского общества происхождение Карамзина. Как оказалось, это была ошибочная позиция, позволившая сторонникам оренбургского происхождения Карамзина прибегать к заведомым искажениям.

Детские и юношеские годы

В семье Карамзиных Коля был третьим из здравствовавших детей, но в раннем детстве он фактически являлся единственным ребёнком в доме. Сестра Екатерина давно уже жила отдельно со своей семьей, а старший брат Василий, с детства записанный в гвардейский полк, уже проходил действительную службу в столице. Но недолго Коля ощущал на себе исключительную материнскую любовь и ласку, ибо в 1768 году появился братец Федя, а матушка Екатерина Павловна вскоре после родов умерла. Евдокия Гавриловна, мягкая по характеру, как могла, старалась создать пасынкам-четырёхлетнему Коле и двухлетнему Феде-безмятежную атмосферу, подарить частицу своего тепла. Но с появлением собственных детей мате́ха, естественно, главное внимание этим малышам. А в 1774-м Евдокия Гавриловна ушла из жизни, оставив мужу четверых ребят, из которых старшему Коле, шёл восьмой год... Коля, который смутно помнил родную мать и был привязан к доброй и ласковой мате́хе, несомненно был потрясён её смертью. Думается, что страницы повести "Рыцарь нашего времени", где подробно описываются тёплые отношения Леона со своей матушкой и горе, с каким он, семилетний мальчик, переживал её смерть, - это глубоко автобиографичные страницы, изображающие реальные эпизоды детства Коли Карамзина.

С каким живым удовольствием маленький наш герой, - продолжал Карамзин как бы свою исповедь, - в шесть или семь часов летнего утра, поцеловав руку у своего отца, спешил с книгою на высокий берег Волги, в ореховые кусточки, под сень древнего дуба! Там, в беленьком своём камзолычке, бросаясь на зелень, среди полевых цветов сам он казался прекраснейшим одушевлённым цветком... Иногда, оставляя книгу, смотрел он на синее пространство Волги, на белые паруса судов и лодок, на станции рыболовов чаек, которые из-под облаков дерзко опускаются в пену волн и в то же мгновенье снова парят в воздухе. Сия картина так сильно впечатлелась в его юной душе, что он через двадцать лет после того, в кипении страстей, в пламенной деятельности сердца, не мог без особенного радостного движения видеть большой реки, плывущих судов, летающих рыболовов: Волга, родина и беспечность юность тотчас представлялись его воображению, трогали душу, извлекали слезы. Кто не испытал нежной силы подобных воспоминаний, тот не знает весьма сладкого чувства. Восьми лет от роду Коля был записан отцом на службу в "армейские полки", но, как и другие сверстники его круга, оставался дома для получения образования, до достижения "совершенного возраста". В то время в Симбирске не было казённых общеобразовательных заведений, и дети именитых горожан сначала брали уроки частным образом, а затем поступали в пансионаты, содержавшиеся бывшими офицерами, обычно французского происхождения.

О том, как складывалось "учение, образование ума и чувства" Коли Карамзина, можно составить представление по тем страницам повести, которые блестяще, имеют автобиографический характер. Первым учителем был старший брат Василий, самый грамотей в околотке, который научил мальчика читать как в церковной и светской азбуке, простейшему счёту и письму. Затем, в доме, у старших братьев, которыми сам владел. Когда через несколько месяцев, подобно герою повести Леону, Николай стал бегло читать, отец начал понуждать его к чтению вслух в присутствии гостей, особенно басен, которые Коля слушал наизусть.

Судя по тому, что родители Коли по мате́хе Саша и Ваня Дмитриевы нанесли Колю в учёбу в пансион с 7-8-летнего возраста, он тоже был определён в лучший в Симбирске частный пансион француза Пьера Фовеля з/м/ой 1773 года. Педагог этот был необыкновенный для провинции.

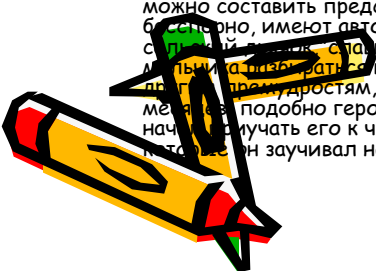
Года три Фовель имел школу в Оренбурге, но прочно осел уже в Симбирске, занимаясь и в своём пансионе, и в частных домах делом обучения и воспитания детей, "достойных уважения, как по рождению, так и по занимаемым должностям. У моменту поступления Коли Карамзина к Петру Стефановичу Фовелю было уже около 55 лет, но ещё был полон сил и желания передавать свои знания ученикам и способствовать формированию у них высокой нравственности. Учиться у такого знающего и гуманного педагога было интересно, и любознательный Коля, одаренный от природы недюжинными способностями, во всех классах пансиона Фовеля шёл первым учеником.

К числу "витаезей Симбирского уезда" очевидно, принадлежал и отставной капитан Александр Иванович Теряев. За годы службы в столичной гвардии у него сложились связи с просвещённым миром вообще и с содержателем пансиона Фовелем, в частности. Именно Теряев, узнав от учителя-француза об успехах в учёбе 12-летнего Коли Карамзина, убедил его отца отправить даровитого мальчика в далёкую Москву в пансионат Иоганна Шадена, пользовавшегося широкой известностью.

Шаден-обрусевший немец, прибывший в Москву в 1756 году с дипломом Тюрингского университета на должность директора университетской гимназии. В качестве профессора преподавал там риторику, пиитику, мифологию, философию. Принимая в своё заведение волжанина Карамзина, Шаден с самого начала подметил в юном ученике прекрасные свойства и редкие способности.

В пансионате особенно большое внимание уделялось изучению иностранных языков, а прилежно занимавшийся Коля делал такие значительные успехи, что Шаден стал водить его к иностранцам, жившим в немецкой слободе, чтобы он мог совершенствоваться в разговорах по-французски и по-немецки. Кроме этих языков, одаренный подросток учился в пансионате греческому, латинскому, английскому и итальянскому. Карамзину, как одному из превосходнейших своих учеников, Шаден давал читать лучшие произведения европейских авторов, особенно французских, а также басни и дидактические сочинения Х. Геллерта, чтобы образовать его вкус, ибо уже предвидел в нём литератора. Здесь же, в пансионе Шадена, началась дружба Карамзина с обаятельным и очень образованным Александром Петровым, который оказал благотворное и сильное влияние на его умственное и нравственное развитие.

По совету Шадена, Ниеолай посещал некоторые университетские лекции, где получил основательные сведения по истории отечественной и всеобщей, истории иностранных литератур, теории изящной словесности, основам логики, психологии. Словом, как справедливо писал А. Старчевский, Карамзин "довольно основательно знал все, чему учился", поэтому был хорошо образованным молодым человеком своего времени.

Роль земляков-симбирян в судьбе Карамзина

По огромному кругу родственных связей Карамзина в Симбирске, особенно по мачехе-Смирновым, Бекетовым и Тургеньевым, можно судить, каким неординарным было общество, в котором он вращался в родном городе. Среди них были Пашков, Дурасов и Козницкий-известные в России меценаты(которых Екатерина 2 женила на дочерях Симбирского миллионера-заводчика Мясников), бригадир Иван Петрович Тургеньев, один из сподвижников просветителя Н.И.Новикова,отец Андрея,Александра,Николая и Сергея Тургеньевых, чьи имена навечно вошли в историю культуры страны. Зоркий взгляд Тургеньева выделил Карамзина в Симбирском обществе, и несмотря на разницу в возрасте(14 лет) и общественном положении, он сумел сблизиться со способным 18-летним отставным поручиком, чьи первые литературные опыты ему уже были известны. Впоследствии литератор М.А.Дмитриев со слов своего дяди-баснописца, так охарактеризовал роль И.П.Тургеньева в судьбе Николая Михайловича:"Ему стало жаль умного и талантливого юношу, который губит свои способности в кругу людей, которые не могли и оценить их, не только придают им силы. Он устыдился молодого Карамзина образом его жизни, уговорил его ехать в Москву и приняться за что-то полезное. Этому-то достойному человеку обязаны мы сохранением Карамзина от рассеянной, пустой жизни и неразлучных с нею искушений. Действительно, в конце 1784 года Николай Михайлович вместе с И.П.Тургеньевым отправляется в Белокаменную, куда в его письмах звал и друг по учёбе в пансионе Шадена Александр Андреевич Петров-талантливый сподвижник Н.И.Новикова и тоже тяготевавший к масонству.И.П.Тургеньев познакомил Карамзина и с самим Н.И.Новиковым, руководителем "Дружеского учёного общества", занимавшегося распространением "истинного просвещения", полезных знаний и общедоступной детской литературы.

Казалось бы, жизнь на одной квартире с Петровым, который как старший по возрасту, знаток европейской литературы и классических языков оказывал благотворное влияние на умственное и нравственное развитие Николая Михайловича, а также общение его с видными просветителями, группировавшимися вокруг Новикова и Тургеньева, должны были прочно привязать его к Москве. Но уже зимой 1785 года Карамзин снова возвращается в Симбирск и живёт в отчем доме рядом со старшим братом почти полгода. Почему?

Думается, что отвлечённые мистицизм и масонство не овладели умом и сердцем жизнерадостного юноши, жаждавшего практической деятельности на пользу общества. Теперь его тянула спокойная домашняя обстановка, возможность познакомиться с новинками литературы, истории и философии, стать вровень с самыми начитанными современниками и осознанно найти своё место в культурной и общественной жизни. И наконец здесь, в тиши, он намеревался продолжить переводы из Шекспира, Лессинга и других европейских авторов.

Пребывание на лоне природы в родном краю благотворно сказались на душевном настрое, работоспособности, повышении общего тонуса, и в конце 1785 года Николай Михайлович вновь отправляется в Москву с самыми радужными надеждами. Здесь происходит новая радостная встреча с Иваном Ивановичем Дмитриевым, который, вспоминая впоследствии о перемене, какую он нашёл в родственнике-милом приятеле, писал:

"Это был уже не тот юноша, который читал всё без разбора, пленялся славой война, мечтал быть завоевателем черной горы, пылкой черкешенки, но благочестивый ученик мудрости, с пламенным рвением к усовершенствованию себе человека.

Описание Симбирска в годы Карамзина

- В годы жизни Н.М.Карамзина губернским архитектором М.Рушко был составлен ещё один план г.Симбирска,но без обозначения застройки и разбивки на усадьбы внутри кварталов.
- На плане впервые показана центральная площадь не круглой ,а прямоугольной, как впоследствии и было выполнено в натуре с соотношением сторон 1:2(ныне пл.Ленина).Это было отклонением и упрощением от ранее утверждённой круглой площади, запроектированной архитектором И.П.Тоскани.В результате город утратил оригинальность и самобытность своего центра на долгие годы , хотя возможность такая частично ещё сохраняется.
- Границы города остались прежними. За южной границей обозначена трёхлучевая композиция Александровского сада, которого не было на плане 1780 г.Перед Александровским садом предусмотрена квадратная площадь(ныне ул.3 Интернационала),которая располагалась симметрично относительно выезда с Сенгилеевской улицы(ныне Железной Дивизии),а по плану 1780 года эта площадь отсутствовала, вместо неё предусматривалась площадь на квартал севернее.
- Фактически площадь была образована из двух указанных выше и занимала ещё территорию вдоль линии застройки, образуя в плане букву"Г".
- Остальные площади у Покровского монастыря(ныне сквер им.И.Н. Ульянова),у нового торгового центра на Саратовской улице и на набережной реки Свияги оставались без изменений.
- План 1800 года, кроме центральной и Александровской площадей, не вносил существенных изменений в планировку города, осуществляемую ранее по плану 1780 года.
- Город быстро расширял свои границы и уже в 1804 году далеко перешагнул за речку Симбирку.В купчей крепости за 1804 год упоминается "каменный дом, выстроенный вновь по плану, состоящий в городе Симбирске, в приходе церкви Владимирской Божьей Матери, в Ново Казанской улице, со всем имеющимся при нём деревянным строением и садом".
- Новая Казанская улица не была обозначена на планах 1780 и 1800-х годов, она появляется на плане города Симбирска в 1843 году, и была предпоследней за речкой Симбирской с северо-западной стороны(ныне это ул.Гагарина).
- На плане 1800 г. по ул.Большой Солдатской(ныне западная часть ул. Минаева,примыкающая к Свияге)показана однарядная застройка на окраине города небольшими усадьбами, элементами застройки которой являются один дом и хозяйственное строение, явно предназначенное для бедных слоёв населения, и более вероятно для"дворов солдат"инвалидных команд по типу Москвы и других городов, что нашло отражение в названии улицы Солдатская.
- В настоящее время вся эта застройка по ул.Минаева снесена, а на смежной улице Ульяновской ещё частично сохранилась.
- Таким образом, на основе анализа плана 1800 года можно утверждать, что усадебный тип застройки, включающий в свою планировку как неизменных спутников:дом,флигели,ряд хозяйственных строений и сад, становится основным в застройке конца 18-конца 19 вв.,в результате осуществления перестройки города по плану 1780 г. и последующих лет.
- Следовательно, уже на период 1804 года отмечается дальнейшее развитие города по сравнению с 1780 и 17800 гг. за речкой Симбирской.
- История города Симбирска, его отдельных зданий часто становится предметом всеобщего внимания, благодаря знаменитым землякам.
- С городом Симбирском связано имя историка и литератора Николая Михайловича Карамзина(1766-1826гг.).
- Дом старшего брата Н.М.Карамзина-Василия Михайловича Карамзина - был двухэтажный и стоял на улице Верхней Набережной по Венцу. Главным фасадом он был обращён на Волгу. Усадьба с домом и рядом хозяйственных строений, образующих парадный и хозяйственный двор, а также с садом занимала угловое положение на пересечении улицы Саратовской(ныне бульвар Пластова) и улицы Верхней-Набережной (ныне ул.Пролетарской).В 1803 г. губернский архитектор Михаил Матвеевич Рушко составил планы двух этажей и фасад со стороны Волги коллежского асессора Василия Михайловича Карамзина в губернском городе Симбирске "в каком виде ныне состоит".Дом, оштукатуренный кирпичный в два этажа, имел по семь окон в каждом этаже на главном фасаде. Средняя часть в виде небольшого ризалита завершалась треугольным фронтоном с трёхчастным арочным окном. По крыше над карнизом проходил невысокий прямоугольный парапет. Гладкую плоскость стены уличного фасада по горизонтали разделяли полосы фриза и цоколя.
- На нижнем этаже размещались:сени,прихожая,коридор посредине, и семь комнат. На втором этаже размещались парадные комнаты:2-е гостиные и зал, а также спальня,лакейская,буфет и размещался с южной торцевой стены, лестница в юго-западном углу. В таком виде дом мог видеть и Николай Михайлович Карамзин. В 1803 г.было составлено два варианта расширения дома ещё на четыре окна в длину. Судя по фотографии конца 19-начала20 вв.,один из вариантов перестройки был осуществлен, но также была осуществлена пристройка с южной стороны, не предусмотренная окон у южного и восточного фасадов. Вероятнее всего, в этой"глухой" двухэтажной пристройке размещались лестница и вход с сенями и передней.
- В 1805 г.дом В.М.Карамзина перешёл к вице-губернатору, который в нём размещался и в 1840г."Впоследствии это здание перешло в казну и здесь поместили рабочий и смиренный дом, а по уничтожении их-отделение срочных арестантов и наконец в 1896 г.- женскую центральную тюрьму",-писал П.Л.Мартынов в 1898 г.
- В настоящее время этот дом снесен, и его подлинная история, связанная с семьёй Карамзиных, до конца не выявлена.В архиве г.Петербурга хранятся уникальные документы, касающиеся не только самого дома, но и мебели в нём.
- Сохранившиеся детальные чертежи дома В.М.Карамзина,а также фундаменты снесённого дома создают возможность его полного восстановления и дальнейшего использования,как мемориального музея (связанного со знаменитым историком государства Российского), расположенного в непосредственной близости от Мемориального центра и обогащающего его дополнительной экспозицией историко-культурного значения.
- Учитывая уникальность этого дома, под руководством автора этих строк выполнены полностью чертежи его восстановления, включая планы этажей, фасады и всё инженерное обеспечение.
- Этот дом связан с именем А.С.Пушкина,который изобразил его на своём рисунке вместе со Смоленской церковью во время посещения Симбирска в сентябре 1833 года.

Влияние Карамзина на симбирян. Его связь с родным городом.

- Новый, 1784 год ознаменовался желанным для Николая Михайловича указом о его отставке с награждением чином поручика. За почти двухгодичное проживание на родине он в той или иной мере познакомился с образованным обществом, которое с осени до весны обитало в Симбирске. Не принимая приглашений в гости во время рождественских, новогодних, пасхальных праздников, по случаю крестин, именин, помолвок, юбилеев, а то и просто на званые обеды было невозможно. Отставному поручику в свои 18 лет было лестно и внимание, которое оказывали ему почтенные родители семейств с девицами на выданье или любители словесности и политики, не упускавшие случая пообщаться с гвардейцами, служившими в столицах, а тем более с Карамзиным, уже составившим себе известность человека образованного и причастного к литературе.
 - Иван Иванович Дмитриев, навестивший со старшим братом Симбирск, вспоминал о встречах с Николаем Михайловичем в родных пенатах: "Я нашёл его играющим роль надёжного на себя в обществе: опытным за вистовым столом, любезным в дамском кругу, оратором перед отцами семейства, которые, хотя и не охотники слушать молодежь, но его слушали. Такая жизнь не охладила, однако, в нём прежней охоты к словесности. При первом нашем свидании с глаза на глаз он спрашивает меня, занимаюсь ли по-прежнему переводами? Я сказываю ему, - продолжал баснописец, - что недавно перевёл из книги "Картина смерти" сочинения Каррагиоли, "Разговор выходца с того света с живым другом его". Он удивился странному моему выбору... А я, - промолвил он, - думаю переводить из Вольтера с немецкого".
 - После этой литературной схватки было немало и других, но все они носили задушевно дружеский характер. Взаимная приязнь между начинающими литераторами с каждой новой встречей крепла, закладывая незыблемую основу братских отношений. Недаром и сорок лет спустя, когда Иван Иванович отправляется в отчий край, Карамзин писал ему из Царского Села, что известие об этом заставило его "слетать воображением на берег Волги, Симбирский Венец", где они в юности вместе, "геройски отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании солнца". Это увлечение "Новыми думами" Эдварда Юнга, одного из лучших английских поэтов и основателей "кладбищенской лирики", оставило глубокий след в душе Николая Михайловича, тяготевшего к сентиментализму. Отраднее было видеть, что симбирское общество одобрительно относится к литературной и издательской деятельности Николая Михайловича Карамзина.
-

Память о Карамзине в нашем крае и в России.

- Вскоре после смерти известного русского писателя и историка Н.М. Карамзина среди просвещённого Симбирского дворянства появилась мысль о сооружении ему памятника. И вот уже минуло более полутора лет с того знаменательного дня - 23 августа 1845 года, когда в самом престижном месте центра города в торжественной обстановке был открыт изготовленный в Петербурге необыкновенный по красоте памятник нашему выдающемуся земляку Николаю Михайловичу Карамзину. Тогда же впервые были услышаны оды поэтов-симбирян Н.Языкова и Д.Ознобишина, посвящённые автору "Истории государства Российского".
- Впервые мысль о сооружении памятника Карамзину родилась в домах братьев Языковых и их Симбирского окружения. Почин поддержал генерал-майор П.Н.Ивашев и другие передовые дворяне. 13 июня 1833 года симбирский губернатор А.М.Загряжский направил министру Д.Н.Блудову прошение 38 дворян с просьбой исходатайствовать разрешение Николая 1 на открытие всероссийской подписки по сбору средств на сооружение памятника. Министр одобрил этот почин, а по его докладу Николай I разрешил подписку и дал указание Академии художеств объявить конкурс на сооружение монумента. Контракт на изготовление памятника в 1838 году был заключён с академиком С.И.Гальбергом. Но уже через год скульптор скончался, и его питомцы А.А.Иванов, П.А.Ставассер, Н.А.Рамазанов и К.М.Климченко с любовью и художественным вкусом воплотили замысел своего учителя-академика и передали модели в мастерскую барона П.К.Клодта для отливки всех медных частей памятника. Досадное недоразумение произошло с появлением на пьедестале памятника даты: "1844 года". Летом 1844 г. тверской крестьянин Тимофей Михайлов доставил "по воде" весь памятник (с датой: "1844 года") в Симбирск, надеясь, что фундамент будет завершён в его присутствии. Но прошли месяцы, прежде, чем настал тот день, когда памятник с берега Волги был доставлен на площадь губернаторского дома. На 22 августа намечалось торжественное открытие монумента. В спешке забыли заменить последнюю цифру, так и стоит до сегодняшнего дня на пьедестале: "1844 года", вместо положенного 1845-го, сбивая с толку ученых. На открытие прибыли сыновья историка Александр и Андрей, а также академик М.П.Погодин, который выступил с речью и закончил её здравницей: "Да процветает Симбирск, да являются отсюда беспрерывно к славе Отечества преемники Карамзина, Тургенева, Языкова".
- Памятник поставили в лучшей части города, на площади, которая получила название Карамзинской. С северо-восточной стороны возвышалась Никольская церковь, с юго-восточной стороны находился двухэтажный дом губернатора. Первоначально памятник обнесли деревянной оградой, а в 1885 году вдова одного из сыновей Карамзина пожертвовала средства на постройку изящной металлической решётки.
- В 30-х годах нынешнего века памятник наметили к сносу. На его защиту встал известный архитектор Ф.Е.Вольсов. Именно благодаря ему и поныне украшает город таинственная и прекрасная муза истории Клио в сиреневых одеждах Карамзинского сквера.
- Во все времена года Карамзинский сквер имеет особое очарование. Зеленый и тенистый патёр листвы деревьев летом, воздушное кружево цветущей сирени весной, убранство ветвей серебристыми кристаллами инея зимой... И над всем этим - величественная статуя музы истории Клио, обещающая раскрыть тайны прошлого. Карамзинский сквер - это единственный участок нашего города, где сохранились насаждения 60-80х годов прошлого столетия: отдельные экземпляры деревьев и кустарников, а главное, групповые посадки сирени и жесстера. Это неповторимый и своеобразный уголок старого Симбирска, зеленая страничка истории нашего города, открытая в прошлом веке. Знакомство с ней вызывает светлые чувства, уважение и гордость.
- Весной 1866 года горожане увидели соборную площадь, превращенную в сквер. Осенью преобразилась и Карамзинская площадь. Это новое украшение Симбирска потребовало более тысячи корней различных деревьев и 22 тысячи разного рода кустов. Большая часть растений была пожертвована помещиком Астраханцевым и князем Каратаевым.
- На фотографиях того времени хорошо просматривается первоначальное ограждение из длинных жердей на крестообразных подставках. В 1867 году симбирский архитектор Н.А.Любимов, который ранее выполнил проект планировки сквера, разработал проект металлической решётки вокруг него.

www.funeral-spb.narod.ru

Мероприятия, посвященные Карамзину, проводящиеся в Ульяновске.

- В нашем городе выпускался литературно-художественный альманах "Карамзинский сад". Первый выпуск появился в июле 1991 г. под эгидой Ульяновской областной писательской организации. Инициатива исходила от поэта Людмилы Бурлаковой-Егоровой. Ей помогли писатели: Л. Фомин, Ю. Козлов, Е. Мельников, А. Лайков. В предисловии к первому выпуску авторы альманаха изложили основное кредо издания: "... разбудить уставшую человеческую душу, возродить утраченные нами традиции, идущие от Н.М. Карамзина, Н. М. Язикова, Д.В. Давыдова, Д.Д. Минаева, И.А. Гончарова, С.Т. Сkitальца, А.С. Неверова, вернуть Симбирск - Ульяновску, былую славу отчизны поэтов."
- В 1992 г. вышел второй выпуск альманаха, в 1993 г. - третий. Со смертью Л. Бурлаковой - Егоровой в связи с финансовыми трудностями областной писательницы организующая работа над четвёртым выпуском альманаха была прекращена. Также по инициативе областного отделения Всероссийского фонда культуры, государственного педагогического университета и Дворца книги в Ульяновске проходят Карамзинские чтения (первые - в 1991 г.). При педуниверситете работает Карамзинская лаборатория.